

ИСТОРИЯ АДВОКАТА,
КОТОРЫЙ СПАСАЛ
ОТ СМЕРТНОЙ КАЗНИ ТЕХ,
КОМУ НИКТО НЕ ВЕРИЛ

«ЧЕРЕЗ 28 ДНЕЙ МЕНЯ УБЬЮТ...
ПОМОГИТЕ МНЕ!»

ЗВОНОК ЗА ВАШ СЧЕТ

КНИГА ГОДА ПО ВЕРСИИ

- The New York Times • The Seattle Times
- Time • The Washington Post • Esquire
- The Boston Globe

ИЗДАНО
В 13 СТРАНАХ

ПОБЕДИТЕЛЬ
5 ЛИТЕРАТУРНЫХ
ПРЕМИЙ

БЕСТСЕЛЛЕР
NEW YORK TIMES

Best Book Awards. 100 книг, которые вошли в историю

Брайан Стивенсон

**Звонок за ваш счет. История
адвоката, который спасал
от смертной казни тех,
кому никто не верил**

«ЭКСМО»

2014

УДК 347.965
ББК 67.75

Стивенсон Б.

Звонок за ваш счет. История адвоката, который спасал от смертной казни тех, кому никто не верил / Б. Стивенсон — «Эксмо», 2014 — (Best Book Awards. 100 книг, которые вошли в историю)

ISBN 978-5-04-107170-7

Получив престижное образование, молодой адвокат Брайан Стивенсон берется помогать осужденным на смертную казнь. Его подзащитные – бездомная девушка, которая случайно поджигает здание, подросток, застреливший сожителя матери после жестоких избиений, владелец лесопилки, у которого стопроцентное алиби, но черный цвет кожи и в прошлом внебрачная связь с белой женщиной. За их преступлениями стоят тяжелое детство, нищета, психические заболевания, роковая случайность, расовые предрассудки или просто ложное обвинение. Брайану предстоит тяжелая борьба за свободу и справедливость против равнодушной и зачастую жестокой машины правосудия. Книга года по версии многочисленных СМИ. Победитель пяти литературных премий. Экранизация в 2019 году с участием звезд Голливуда.

УДК 347.965

ББК 67.75

ISBN 978-5-04-107170-7

© Стивенсон Б., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Введение. На высоте земли	6
1. Играющие в «Пересмешника»	17
2. «Стой!»	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30
Комментарии	

Брайан Стивенсон
Звонок за ваш счет. История
адвоката, который спасал от смертной
казни тех, кому никто не верил

© Мельник Э., перевод на русский язык, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

В память об Элис Голден Стивенсон, моей маме

Любовь – мотив, а правосудие – инструмент.
Рейнгольд Нибур

Введение. На высоте земли

Я не был готов к встрече с приговоренным. В 1983 году я был двадцатитрехлетним студентом Гарвардской юридической школы, работавшим на практике в Джорджии, рьяным и неопытным... и опасался, что влип хуже некуда. Я никогда прежде не видел тюрьму особого режима изнутри – и уж точно никогда не бывал в камере смертника. Узнав, что мне предстоит отправиться к заключенному в одиночку, без сопровождения «настоящего» адвоката, я изо всех сил постарался скрыть панику.

Камеры смертников в Джорджии находятся в тюрьме за окраиной Джексона – захолустного городка в деревенской глубинке штата. Я поехал туда совсем один, направляясь на юг по шоссе I-75 из Атланты, и чем ближе становилось место назначения, тем сильнее колотилось мое сердце. Я ничего не знал о смертных приговорах: в нашей программе еще не было лекций по уголовному судопроизводству. Я не имел даже приблизительного представления о сложном процессе апеллирования, придающем форму обжалованию приговоров к смертной казни, – о том самом процессе, который впоследствии изучил как свои пять пальцев. Подписывая согласие на практику, я не придавал особого значения тому факту, что мне на самом деле придется встречаться с осужденными заключенными. Честно говоря, я тогда даже не был уверен, что хочу быть адвокатом. Чем больше миль наматывал мой спидометр по сельским дорогам, тем крепче становилась моя убежденность в том, что человек, с которым предстоит встретиться, будет крайне разочарован знакомством со мной.

Мне, выпускнику маленького колледжа в Пенсильвании, казалось невероятной удачей, что меня приняли в Гарвард, но под конец первого курса все мои иллюзии развеялись.

В колледже я изучал философию и вплоть до последнего курса не сознавал, что никто не станет платить мне за философствование, когда я получу диплом. Лихорадочные поиски «послевыпускного плана» привели меня в юридическую школу – в основном потому, что для поступления на другие программы магистратуры необходимо было разбираться в своей будущей сфере деятельности; в юридических же школах, казалось, не требовали никаких особых знаний. В Гарварде я мог изучать юриспруденцию, одновременно зарабатывая магистерский диплом по государственной политике в Школе управления имени Кеннеди, что мне импонировало. Я не очень хорошо представлял, что хочу делать со своей жизнью, но знал: это будет как-то связано с судьбами бедняков, историей расового неравенства в Америке и борьбой за равенство и справедливость в обращении людей друг с другом. У моей будущей профессии должна была быть какая-то связь с теми вещами, которые я уже успел повидать в жизни и которые были мне интересны. Но я никак не мог собрать все эти смутные желания в одно целое так, чтобы получился некий определенный профессиональный путь.

Вскоре после начала учебы в Гарварде я начал опасаться, что ошибся с выбором. Мне, выпускнику маленького колледжа в Пенсильвании, казалось невероятной удачей, что меня приняли в Гарвард, но под конец первого курса все мои иллюзии развеялись. В те времена Гарвардская юридическая школа производила устрашающее впечатление – особенно на молодого человека, которому исполнился всего двадцать один год. Многие преподаватели применяли сократовский метод общения: прямые, однообразные и недружелюбные опросы или даже скорее допросы, помимо всего прочего, унижительные для не подготовившихся студентов. Материал лекций, которые нам читали, казался эзотерическим, заумным и никак не связанным с теми проблемами расового неравенства и бедности, которые изначально побудили меня пойти в юридическую школу.

Многие мои однокурсники уже были обладателями университетских дипломов или работали помощниками юристов в престижных юридических фирмах. У меня подобного послужного списка не было. Я казался себе значительно менее опытным и знающим, чем мои соученики. Когда через месяц после начала занятий в кампус явились представители юридических фирм и начали проводить собеседования со студентами, мои однокурсники надевали дорогие костюмы и спешили подписывать контракты, чтобы «застолбить местечко» в Нью-Йорке, Лос-Анджелесе, Сан-Франциско или Вашингтоне. Для меня же было полнейшей тайной, чем мы все так усердно готовимся заниматься. До поступления в юридическую школу я даже не был лично знаком ни с одним юристом.

Летние каникулы после первого курса юридической школы я провел, работая днем в проекте ювенальной юстиции в Филадельфии и учась на математических курсах по вечерам, чтобы подготовиться к следующему году учебы в школе Кеннеди. Начав в сентябре занятия по программе курса государственной политики, я по-прежнему пребывал в душевном раздрае. Наш учебный план был крайне умозрительно-вычислительным: главное место в нем занимали расчеты, позволяющие максимизировать выгоды и минимизировать затраты, но никого особо не интересовало, какими способами достигаются эти выгоды и как формируются затраты. Теория решений, эконометрика и подобные предметы хоть и стимулировали умственную деятельность, оставляли у меня ощущение, будто я плыву куда-то без руля и парусов. Но потом вся картинка вдруг обрела четкость.

Я узнал, что наша юридическая школа предлагает нестандартный месячный курс по проблемам расового неравенства и бедности в контексте судопроизводства. Его вела Бетси Бартолет, профессор юриспруденции, которая работала судебным адвокатом Фонда правовой защиты при Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения (*NAACP*¹). В отличие от большинства других курсов, занятия проводились вне кампуса и требовали, чтобы студенты весь этот месяц проходили практику в одной из организаций, занимавшихся социально-правовой работой. Я тут же записался на этот курс и в декабре 1983 года оказался на борту самолета, летевшего в Атланту, штат Джорджия, где должен был провести несколько недель, работая в Южном комитете защиты заключенных (*SPDC*²).

Прямой перелет до Атланты был мне не по карману, поэтому пришлось лететь с пересадкой в Шарлотте, штат Северная Каролина. И там-то я познакомился со Стивом Брайтом, директором *SPDC*, который возвращался в Атланту из отпуска. Стиву было около тридцати пяти лет, и его натура отличалась энтузиазмом и уверенностью, которые составляли прямую противоположность моей нерешительности. Он вырос на ферме в Кентукки и, окончив юридическую школу, начал работать в Вашингтоне. Стив был блестящим судебным адвокатом в Службе государственных защитников округа Колумбия и как раз недавно согласился возглавить *SPDC*, чьей миссией была помощь заключенным, приговоренным к смертной казни в Джорджии. Как я ни старался, так и не смог заметить ни малейших признаков дисгармонии между тем, чем Брайт занимался, и тем, во что он верил, – это несоответствие я не раз замечал у своих преподавателей в юридической школе. При знакомстве он первым делом сгреб меня в добродушные объятия, а потом мы начали разговаривать... и не останавливались до тех пор, пока не прибыли в Атланту.

¹ The National Association of the Advancement of Colored People – Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения (НАСПЦН) – общественная организация США, которая была основана в 1909 году с целью защиты прав афроамериканцев в Америке.

² SPDC – Southern Prisoners Defence Committee – Южный Комитет Защиты Заключенных. Является региональным комитетом Южных Штатов США. В России в качестве аналогов можно рассматривать организации: фонд «В защиту прав заключенных» и в некоторой степени комитет «За гражданские права».

– Брайан, – сказал он в какой-то момент посреди нашего недолгого полета, – смертный приговор – это расплата, к которой приговаривают тех, кому больше нечем заплатить. Мы не можем помочь людям, сидящим в камерах смертников, без таких, как ты.

Мгновенная убежденность Стива в том, что я чего-то стою, явилась для меня полной неожиданностью. Он говорил о проблемах смертных приговоров просто, но убедительно, и я жадно ловил каждое слово, совершенно замороженный его решительностью и харизмой.

– Только я надеюсь, что ты не рассчитываешь на какие-то особо шикарные условия, – добавил он.

– О нет! – заверил я его. – Я благодарен за возможность работать с вами.

– Ха! «Возможность» – далеко не первое слово, приходящее на ум людям, когда они прикидывают, не поработать ли с нами! Мы живем, скажем так, непритязательно, а работы чертовски много.

– Для меня это не проблема.

Каждый день мы принимали лихорадочные звонки от людей, у которых не было никакой юридической помощи, зато даты казней уже стояли в расписании и быстро приближались.

– Ну на самом деле можно даже сказать, что мы живем *более чем* непритязательно. Скорее, даже бедненько... может быть, даже так: едва перебиваемся, сводим концы с концами, подбираемся, гроши считаем, не знаем, что нас ждет завтра...

Мне не удалось скрыть обеспокоенность, и он рассмеялся:

– Это просто шутка... типа того.

Далее Стив перешел к другим темам, но было ясно, что он всем сердцем и разумом болеет за осужденных, оказавшихся в бедственном положении и сталкивающихся с несправедливым обращением в тюрьмах. В общении с человеком, чья работа была столь мощным двигателем его жизни, было что-то глубоко жизнеутверждающее.

Когда я той зимой прибыл в *SPDC*, в штате комитета работали всего несколько поверенных. Большинство из них были бывшими судебными адвокатами по уголовным делам из Вашингтона, которые приехали в Джорджию разгрести нараставший кризис: осужденные смертники не могли получить помощь адвокатов. Эти мужчины и женщины, чернокожие и белые, все примерно лет тридцати с хвостиком, общались друг с другом с той теплотой, которая отражала общую миссию, общую надежду и общий стресс, вызванный трудностями, с которыми они столкнулись.

После многих лет запретов и отсрочек на Глубоком Юге снова начали совершаться казни, и у большинства людей, сидевших в тюрьмах смертников, не было ни адвокатов, ни права на консультирование. Нарастали опасения, что людей вскоре будут убивать, даже не давая рассмотреть их дела умелым юристам. Каждый день мы принимали лихорадочные звонки от людей, у которых не было никакой юридической помощи, зато даты казней уже стояли в расписании и быстро приближались. Я никогда в жизни не слышал голосов, полных такого отчаяния.

Когда я начал практику, все были крайне добры ко мне, и я сразу почувствовал себя как дома. *SPDC* располагался в центре Атланты, в Хили-Билдинг – шестнадцатизэтажном здании в стиле «готического Возрождения», выстроенном в начале 1900-х, которое уже существенно обветшало и постепенно теряло арендаторов. Я сидел в комнатке со сдвинутыми в круг столами вместе с двумя адвокатами и занимался бумажной работой, отвечал на звонки и искал информацию по правовым вопросам для наших юристов. Я только начал привыкать к офисной рутине, когда Стив попросил отправиться в тюрьму смертников и переговорить с осужденным, на встречу с которым больше ни у кого не было времени. Он объяснил, что приговор тому человеку вынесен уже больше двух лет назад, и пока у комитета нет адвоката, который взялся

бы за его дело; моей задачей было донести до этого человека одну простую весть: *в следующем году вас не убьют.*

Я ехал по фермерским полям и лесам сельской Джорджии, повторяя вслух то, что должен был сказать, встретившись с приговоренным. Снова и снова тренировался проговаривать свою вступительную речь.

«Здравствуйте, меня зовут Брайан, я студент из...» *Нет, не так.* «Я студент-юрист из...» *Нет, опять не так.* «Мое имя – Брайан Стивенсон. Я юрист-стажер из Южного комитета защиты заключенных, и мне дано распоряжение сообщить вам, что в ближайшее время казнены вы не будете»... «Вас не смогут казнить в ближайшее время»... «Нет никакого риска, что вскоре вас казнят». *Нет, все не так!*

Я продолжал репетировать выступление до тех пор, пока не притормозил у ограды, угрожающе щетинившейся колючей проволокой, и белой башни охраны Диагностической и классификационной тюрьмы Джорджии. В офисе тюрьму называли просто – «Джексон», так что вид ее настоящего названия на вывеске был неприятен: оно казалось клиническим, даже психотерапевтическим. Я припарковался, дошел до входа в тюрьму и ступил внутрь главного здания с его темными коридорами и разделенными дверьми холлами, где металлические решетки перегораживали все возможные пути входа и выхода. Интерьер не оставлял никаких сомнений в том, что это место мрачное и суровое.

Я прошел по коридору-туннелю в специальную зону для свиданий. Каждый шаг звучал зловеще, эхом отражаясь от кафельного пола, надраенного, без единого пятнышка. Когда я сказал сотруднику, ведающему свиданиями, что я помощник адвоката, присланный для встречи с приговоренным к смертной казни, он воззрился на меня подозрительно. Я был одет в свой единственный костюм, и нам обоим было ясно, что костюм этот знал лучшие времена. Глаза сотрудника тюрьмы изучали мою водительскую лицензию долго и испытующе, потом он наклонил голову и заговорил:

– Ты не местный.

Это было скорее утверждение, чем вопрос.

– Нет, сэр. В смысле, я работаю в Атланте.

Позвонив в офис начальника за подтверждением, что мой визит запланирован должным образом, он наконец пропустил меня, бесцеремонно ткнув пальцем в сторону комнатки, в которой должна была состояться встреча.

– Не заблудись там; не могу обещать, что мы станем тебя искать, – предостерег он.

Комнатка для свиданий была площадью около двух квадратных метров; в ней были несколько табуретов, привинченных к полу. Все предметы были сделаны из металла и надежно закреплены. Перед табуретами от тонкой рейки до самого потолка была натянута проволочная сетка. Пока я не вошел в комнату, она представляла собой пустую клетку. Во время свиданий с родственниками заключенные и их гости должны были сидеть по разные стороны от внутренней проволочной сетки; они разговаривали друг с другом сквозь ее ячейки. Посещения адвокатов, в отличие от них, были «контактными свиданиями»: нам обоим предстояло сидеть в одной части комнаты, чтобы обеспечить большую приватность беседы. Комнатка была мала, и мне казалось – хоть я и знал, что это не так, – будто она становится меньше с каждой секундой. Меня снова одолело беспокойство, что я недостаточно подготовился. Согласно расписанию мне предстояло общаться с клиентом один час, но я не представлял, как можно заполнить тем, что мне известно, хотя бы пятнадцать минут. Я сел на один из табуретов и принялся ждать. Спустя пятнадцать минут, с каждой из которых нервозность только нарастала, я наконец услышал звон цепей по другую сторону двери.

Ты первый человек за два с лишним года с тех пор, как я попал в тюрьму для смертников, который не такой же смертник, как я, и не охранник. Я так рад.

Вошедший, казалось, нервничал еще сильнее, чем я сам. Он глянул на меня, лицо его исказила встревоженная гримаса, а когда я в ответ уставился на него, торопливо отвел взгляд. Он так и стоял у порога комнаты, словно не желая входить. Молодой, опрятный, коротко стриженный афроамериканец – чисто выбритый, среднего роста и телосложения, в яркой, чистой тюремной форме. Он сразу же показался мне неувовимо знакомым – как все парни, с которыми я рос, школьные друзья, люди, с которыми я вместе играл в спортивные игры и занимался музыкой. Как любой человек, с которым я разговорился бы на улице о погоде. Охранник неторопливо снял с него оковы – сначала наручники, потом ножные кандалы, – а затем вперился в меня взглядом и сообщил, что у меня есть один час. Похоже, он чувствовал, что мы с заключенным оба нервничаем, и наш дискомфорт доставлял ему некоторое удовольствие. Охранник ухмыльнулся мне, резко развернулся и вышел вон. Металлическая дверь с грохотом закрылась за его спиной, и отзвук гулкого удара сотряс все небольшое пространство комнаты.

Осужденный все так же стоял, ближе не подходил, а я не знал, что мне делать, поэтому подошел к нему сам и протянул руку. Он осторожно пожал ее. Мы сели, и он заговорил первым.

– Я Генри, – сказал он.

– Мне очень жаль!

Таковы были первые слова, которые у меня вырвались. Несмотря на все приготовления и репетиции, я не мог удержаться и извинился несколько раз кряду.

– Мне, право, очень жаль, ужасно жаль, э-э... ладно, я на самом деле не знаю... э-э... Я просто студент-юрист, я не настоящий адвокат... Прошу прощения, я вряд ли смогу многое вам рассказать, ведь я и сам мало что знаю!

Мужчина встревоженно всмотрелся в мое лицо.

– С моим делом все в порядке?

– О да, сэр! Юристы из комитета прислали меня, чтобы я сказал вам, что пока у них нет адвоката... Я имею в виду, у нас пока нет для вас адвоката, но нет никакого риска, что ваш приговор приведут в исполнение в следующем году... Мы работаем, ищем для вас адвоката, настоящего адвоката, и надеемся, уже в следующие пару месяцев он сюда приедет. Я просто студент юридического факультета. Я с радостью помогу вам... в смысле, если я могу что-то сделать.

Мужчина прервал мою скороговорку, торопливо схватив меня за руки.

– Значит, в следующем году мне точно не назначат дату казни?

– Нет, сэр. Мне сказали, до назначения пройдет как минимум год.

На мой взгляд, в этих словах не было ничего утешительного. Но Генри все сильнее и сильнее сжимал мои руки.

– Спасибо, приятель! В смысле – огромное спасибо тебе, чувак! Это прекрасная новость. – Его плечи развернулись, и теперь он смотрел на меня взглядом, отражавшим безмерное облегчение. – Ты первый человек за два с лишним года с тех пор, как я попал в тюрьму для смертников, который не такой же смертник, как я, и не охранник. Я так рад, что ты здесь, и я так рад этим новостям – ты не представляешь! – Он шумно выдохнул и, казалось, немного расслабился.

– Я разговаривал по телефону с женой, но не хотел, чтобы она приезжала навещать меня или привозила детей, боялся, что они появятся – и вот тут-то мне как раз и назначат дату казни. Я просто не хочу, чтобы они были здесь в такой момент. А теперь я скажу ей, что они могут приехать повидаться со мной. Спасибо!

Я был поражен тем, что он так счастлив. Меня тоже немного отпустило напряжение, и мы начали разговаривать. Оказалось, мы с ним ровесники. Генри задавал вопросы обо мне, а я расспрашивал о его жизни. Вскоре мы оба увлеклись беседой. О чем мы только не говорили! Он рассказывал о своей семье, о своем судебном процессе. Расспрашивал меня о юридической школе и моей семье. Мы говорили о музыке, о тюрьме, о том, что в жизни важно, а что нет. Я забыл обо всем на свете, кроме нашего разговора. Порой мы смеялись, порой возникали моменты, когда он фонтанировал эмоциями или погружался в печаль. Мы все говорили и говорили, и только услышав громкий стук в дверь, я осознал, что пробыл здесь намного дольше, чем позволяло официальное расчетное время моего посещения. Я бросил взгляд на часы. Оказалось, мы проговорили три часа.

Вошел разгневанный охранник.

– Вам следовало закончить давным-давно, – рыкнул он на меня. – Вы должны уйти.

Он начал снова заковывать Генри, сведя его руки за спиной и защелкнув наручники в таком положении. Затем бесцеремонно сковал ему ноги в щиколотках. Охранник был настолько зол, что слишком сильно затянул браслеты. Я видел, как по лицу Генри прошла гримаса боли.

– Кажется, вы слишком туго затянули браслеты. Будьте добры, не могли бы вы их немного ослабить? – попросил я.

– Я вам сказал: уходите. И нечего мне указывать, как делать мою работу!

Генри улыбнулся мне и сказал:

– Все нормально, Брайан. Пусть это тебя не беспокоит. Просто приезжай еще повидаться со мной, ладно?

Я видел, как он морщился при каждом щелчке цепей, затягиваемых у него на талии.

Должно быть, у меня был очень растерянный вид. Генри то и дело повторял:

– Не волнуйся, Брайан, не волнуйся. Приезжай еще, ладно?

Когда охранник подтолкнул его к двери, Генри обернулся, чтобы еще раз посмотреть на меня.

– Мне, право, очень жаль, – забормотал я. – Мне очень жа...

– Пусть это тебя не волнует, Брайан, – перебил он меня. – Просто приезжай еще.

Я смотрел на него и силился сказать что-нибудь, соответствующее случаю, что-то утешительное, что-то такое, что выразило бы мою благодарность за то, как он терпелив со мной. Но в голову ничего не шло. Генри смотрел на меня и улыбался. Охранник грубо толкал его к двери. Мне не понравилось такое обращение с заключенным, но он продолжал улыбаться – а потом, прямо перед тем как охранник уже почти вытолкнул его из комнаты, твердо уперся в пол ногами. Он казался спокойным и безмятежным. А потом сделал нечто совершенно неожиданное. Я видел, как он прикрыл глаза и чуть склонил голову набок. Я не понимал, что он делает, пока он не открыл рот... и тогда я понял. Он запел. У него оказался великолепный баритон, сильный и чистый. Это ошеломило и меня, и охранника, который даже перестал его толкать.

Я каждый день стремлюсь вперед,

Все новых жаждаю высот.

Молю, Господь, стопы мои

Поставь на высоту земли.

Это старый гимн, его постоянно пели в церкви, в которую я ходил в детстве. Я не слышал его уже много лет. Генри пел медленно, с огромной искренностью и убежденностью. Охранник настолько оторопел, что не сразу опомнился, но потом стал с новой силой выталкивать его за дверь. Поскольку щиколотки Генри были скованы, а руки удерживались наручниками за спиной, он едва не упал, запнувшись о порог, когда охранник выпихнул его из комнаты. Он

шатался, едва держа равновесие, но петь не переставал. Я слышал его голос, удалявшийся по коридору:

*Тянусь всей верой, всей душой
К небесной тверди от земной.
Господь, услышь мою мечту
И вознеси на высоту.*

Я так и остался сидеть, пораженный до глубины души. Голос Генри был наполнен страстным стремлением. Его песня казалась мне драгоценным даром. Я пришел в тюрьму, измученный тревогой и страхом, не зная, будет ли он готов терпеть мою профессиональную неполноценность. Я не рассчитывал на сострадание или великодушие. У меня не было никакого права чего-то ждать от осужденного, приговоренного к смертной казни. Однако он одарил меня потрясающей долей своей человечности. В этот момент Генри изменил что-то в моем понимании человеческого потенциала, искупления и способности надеяться.

У меня не было никакого права чего-то ждать от осужденного, приговоренного к смертной казни. Однако он одарил меня потрясающей долей своей человечности.

Свою практику я заканчивал с твердым решением помочь осужденным-смертникам, с которыми познакомился за этот месяц. Непосредственная близость к осужденным и заключенным сделала более настоящим и значимым вопрос человечности каждого из нас, включая меня самого. Я вернулся в юридическую школу, горя желанием разобраться в законах и доктринах, которые санкционировали смертный приговор и прочие крайне суровые наказания. Я записался на все возможные курсы: конституционного права, ведения судебных споров, процедуры подачи апелляций, федерального судопроизводства и дополнительных средств судебной защиты. Я брал дополнительную работу, чтобы расширить свое понимание того, как конституционная теория формирует уголовное судопроизводство. Я глубоко погрузился в юриспруденцию и социологию вопросов расового неравенства, бедности и власти. Прежде знания, получаемые в юридической школе, казались мне абстрактными и никак не связанными с реальностью, но после встречи с отчаявшимися узниками они стали релевантными и критически важными. Даже моя учеба в Школе Кеннеди обрела новую значимость. Для меня вдруг стало неотложным и важным делом развитие навыков, позволяющих численно измерять и искоренять дискриминацию и неравенство.

Недолгое время, проведенное в тюрьме для смертников, показало мне, что в манере обращения с людьми в нашей судебной системе что-то упущено, что мы, возможно, судим некоторых людей несправедливо. Чем больше я размышлял о своем недолгом опыте, тем отчетливее понимал, что всю жизнь меня мучил вопрос о том, каким образом и почему несправедливо судят людей.

Я вырос в бедном, расово сегрегированном поселке на восточном побережье полуострова Делмарва в штате Делавэр, в местах, на которые расовая история США отбрасывает длинную тень. Прибрежные городки, протянувшиеся от Вирджинии и восточного Мэриленда до нижнего Делавэра, были бесцеремонно «южанскими». Многие люди в этом регионе настаивали на расово обоснованной иерархии, которая требовала символов, знаков и постоянного подкрепления – отчасти из-за близости этой территории к американскому Северу. Во всем регионе с гордостью развевались флаги Конфедерации, нагло и вызывающе метя его культурный, социальный и политический ландшафт.

Афроамериканцы жили в гетто, изолированных от «белой» части железнодорожными путями внутри небольших городков, или в «цветных районах» сельской местности. Я вырос в сельском поселении, где некоторые люди жили в крохотных хижинах; семьям, в домах которых не было водопровода, приходилось пользоваться уличными туалетами. Свою площадку для игр во дворе мы делили с курами и свиньями.

Окружавшие меня чернокожие были людьми сильными и решительными, но маргинализованными и исключенными из общества. Каждый день в нашем районе останавливался автобус птицефабрики и увозил взрослых на работу, где они день за днем ощипывали, разделявали и перерабатывали тысячи куриных тушек. Мой отец уехал из этих мест подростком, потому что тогда там не было местной средней школы для чернокожих детей. Он вернулся в родные места уже вместе с моей матерью и нашел работу на фабрике; по выходным подрабатывал разнорабочим в пляжных коттеджах и домах, которые сдавались в аренду. У матери была гражданская должность на базе ВВС. Казалось, мы все в смиренной рубашке расовых различий, которая связывала, пленяла и ограничивала нас.

«Большинство важных вещей невозможно понять на большой дистанции, Брайан. Надо подойти поближе», – то и дело твердила она мне.

Мои родственники трудились не покладая рук, но до процветания им было далеко. Деда убили, когда я был подростком, но казалось, что ни для кого за пределами нашего семейства не было до этого никакого дела.

Бабушка была дочерью рабов из округа Каролина, что в Вирджинии. Она родилась в конце 1880-х, ее родители – в 1840-х. Мой прадед часто рассказывал ей, как вырос в рабстве и научился читать и писать, но никому об этом не говорил. Он скрывал все свои знания вплоть до отмены рабства. Наследие эпохи рабства в значительной степени сформировало взгляды бабушки и методы воспитания, которые она применяла к своим девяти детям. Оно повлияло и на то, как она разговаривала со мной, как постоянно повторяла: «Не отходи далеко от меня».

Когда я навещал бабушку, она обнимала меня так крепко, что у меня перехватывало дыхание. Потом спрашивала: «Брайан, ты еще ощущаешь мои объятия?» Если я говорил «да», она оставалась довольна; если «нет», снова набрасывалась на меня с этими могучими нежностями. «Нет» я говорил частенько, потому что мне нравилось оказываться в плену ее внушительных рук. Ей никогда не надоедало привлекать меня к себе.

«Большинство важных вещей невозможно понять на большой дистанции, Брайан. Надо подойти поближе», – то и дело твердила она мне.

Дистанция, которую я в полной мере ощутил в первый год учебы в юридической школе, вызывала у меня чувство потерянности. Близость к осужденным, к людям, которых судили несправедливо, – вот что вновь вернуло мне некое подобие ощущения «дома».

Мы создали законы, по которым за выписку необеспеченного чека, мелкую кражу или мелкое мошенничество с собственностью можно получить пожизненное заключение.

Эта книга позволяет подойти ближе к проблемам массового тюремного заключения и крайних мер наказания в Америке. Это книга о том, как легко мы осуждаем людей в этой стране, о несправедливости, которую создаем, позволяя страху, гневу и отчуждению формировать наш стиль обращения с самыми уязвимыми из нас. А еще она о драматическом периоде нашей недавней истории, о периоде, который оставил свой неизгладимый след на жизнях миллионов американцев – всех рас, возрастов и полов – и на психике Америки в целом.

Когда в декабре 1983 года я впервые побывал в тюрьме для смертников, в Америке начинались первые стадии радикальной трансформации, которой предстояло превратить нас в беспрецедентно суровую и карательную нацию. Это привело к массовым тюремным заклю-

чениям, не имеющим никаких исторических параллелей. Сегодня у нас самые высокие показатели тюремного заключения в мире. Население тюрем выросло с 300 000 человек в начале 1970-х до 2,3 миллиона сегодня. Почти шесть миллионов находятся на пробации или условно-досрочно освобождены под честное слово. Один из каждых пятнадцати человек, рожденных^[1] в Соединенных Штатах в 2001 году, отправится в тюрьму; один из каждых трех чернокожих младенцев мужского пола^[2], рожденных в этом веке, будет заключенным.

Приводя в исполнение санкционированные казни, мы застрелили, повесили, удушили газом, посадили на электрический стул и убили смертельными инъекциями сотни людей. Еще тысячи ожидают казни в тюрьмах для смертников. В некоторых штатах нет минимального возраста^[3] для предъявления детям уголовных обвинений как взрослым; мы посадили во взрослые тюрьмы четверть миллиона детей отбывать длительные сроки заключения; некоторые из них были младше 12 лет. Годами мы были единственной страной в мире, которая приговаривала детей к пожизненному тюремному заключению без права на условно-досрочное освобождение; почти три тысячи малолетних правонарушителей были приговорены умереть в тюрьме.

Сотни тысяч людей, совершивших ненасильственные преступления, были вынуждены десятилетиями жить в тюрьмах. Мы создали законы, по которым за выпуск необеспеченного чека, мелкую кражу или мелкое мошенничество с собственностью можно получить пожизненное заключение. Мы объявили дорогостоящую войну людям, имеющим проблемы с злоупотреблением психотропными веществами. Сегодня в стране более полумиллиона людей^[4] сидят в федеральных тюрьмах или тюрьмах штатов за преступления, связанные с наркотиками. В 1980 г. их было всего 41 000.

Мы отменили во многих штатах условно-досрочное освобождение под честное слово. Мы изобрели слоганы типа «три промаха – и ты выбыл»³, чтобы похвалиться своей суровостью. Мы отказались от реабилитации, просвещения и оказания услуг заключенным, по-видимому, потому, что оказывать помощь узникам – значит проявлять излишнюю доброту и милосердие. Мы утвердили политику, которая сводит людей к их самым дурным поступкам и на всю жизнь клеймит их «преступниками», «убийцами», «насильниками», «ворами», «торговцами наркотиками», «секс-преступниками», «уголовниками» – и это определение невозможно изменить вне зависимости от обстоятельств их преступлений или последующего исправления.

Побочные последствия массового лишения свободы столь же серьезны. Мы запрещаем малоимущим женщинам^[5] – и, что неизбежно, их детям – получать продуктовые талоны и муниципальное жилье, если у них за плечами есть осуждения, связанные с наркотиками. Мы создали новую кастовую систему, которая принуждает тысячи людей становиться бездомными, не дает им жить со своими семьями и в родных местах и практически лишает их возможности устроиться на работу. Некоторые штаты пожизненно лишают людей^[6], отбывших уголовные наказания, права голосовать; в результате в нескольких южных штатах^[7] уровень «лишенцев» среди афроамериканцев достиг значений, невиданных со времен, предшествовавших принятию Закона об избирательных правах в 1965 году.

Мы также совершаем ужасные ошибки. Множество невинных людей были оправданы^[8] после того, как их приговорили к смертной казни и едва не привели приговор в исполнение. Сотни других были выпущены на свободу^[9], когда их невиновность в преступлениях, не караемых смертной казнью, была доказана с помощью анализов ДНК. Презумпция вины, бедность, расовые предрассудки^[10] и иная социальная, структурная и политическая динамика создали систему, которая определяется своими ошибками, систему, в которой тысячи невинных ныне страдают в тюрьмах.

³ Речь идет о так называемых законах «трех ошибок» или «трех страйков» – по аналогии с бейсболом, – принятых для борьбы с рецидивистами. – *Прим. перев.*

Наконец, мы тратим уйму денег. Траты правительств штатов и федерального правительства на изоляторы и тюрьмы^[11] возросли с 6,9 миллиарда долларов в 1980-х до почти 80 миллиардов сегодня. Строители частных тюрем и компании, предоставляющие услуги частных тюрем, тратят миллионы долларов, стараясь убедить власти штатов и округов придумывать новые типы преступлений, ужесточать приговоры и держать под замком все больше людей, чтобы частный тюремный бизнес получал еще больше денег. Частная прибыль подорвала стимулы к улучшению общественной безопасности, сокращению затрат на массовое лишение свободы и, самое главное, к развитию реабилитации заключенных. Правительства штатов вынуждены перебрасывать на оплату тюремного заключения финансирование, выделенное на общественные услуги, образование, здравоохранение и пособия, и в результате сталкиваются с беспрецедентными экономическими кризисами. Приватизация тюремного здравоохранения, тюремной торговли и ряда услуг сделала массовое лишение свободы чрезвычайно выгодным предприятием для некоторых и дорогостоящим кошмаром для всех остальных.

Окончив юридическую школу, я вернулся на Глубокий Юг, чтобы представлять интересы неимущих, заключенных и осужденных. В последние тридцать лет я близко общался с людьми, брошенными в тюрьмы и приговоренными к смертной казни по ложным обвинениям, такими, как Уолтер Макмиллиан. В этой книге вы узнаете историю дела Макмиллиана, которая продемонстрировала мне вызывающее тревогу безразличие нашей системы к неточным или ненадежным вердиктам, нашу готовность мириться с предрассудками и толерантность к несправедливым обвинениям и приговорам. Опыт Уолтера показал, как наша система травмирует и виктимизирует людей, когда мы применяем свою власть, чтобы безответственно обвинять и приговаривать их – причем не только самих осужденных, но и их семьи, общины и даже жертв преступлений. Но это дело также показало мне и нечто иное: в этой тьме есть свет.

Каждый из нас – это нечто большее, чем наихудший поступок, который мы когда-то совершили.

История Уолтера – одна из многих, которые я расскажу в следующих главах. Я представлял интересы пострадавших от насилия и заброшенности детей, которых судили как совершеннлетних и которые, будучи помещены в исправительные тюрьмы для взрослых, снова сталкивались с насилием и дурным обращением. Я представлял интересы женщин, число которых в тюрьмах за последние тридцать лет выросло на 640 процентов. Я видел, как истерия по поводу наркозависимости и враждебность к беднякам толкала наспех объявлять преступницами и подвергать преследованию неимущих женщин, когда у них возникали проблемы с беременностью. Я представлял интересы психически больных инвалидов, чьи заболевания часто приводили их в тюрьмы и оставляли там на десятилетия. Я близко общался с жертвами насильственных преступлений и их родственниками и видел, сколь многие стражи порядка в местах массового лишения свободы – работники тюрем – становились менее здоровыми, более жестокими и гневливыми, менее справедливыми и милосердными.

Я также представлял интересы людей, совершивших ужасные преступления, тем не менее старавшихся исправиться и обрести искупление. Я обнаруживал в глубине души многих осужденных и заключенных искорки надежды и человечности – семена возрождения, которые чудесным образом пробуждались к жизни, стоило только подпитать их очень простыми средствами вмешательства.

Эта непосредственная близость открыла мне некоторые простейшие и смиряющие истины, включая следующий важнейший урок: *каждый из нас – это нечто большее, чем наихудший поступок, который мы когда-то совершили*. Работа с неимущими и заключенными убедила меня в том, что противоположность бедности – не богатство; противоположность бедности – справедливость. Наконец, я пришел к убеждению, что характер нашего общества,

нашей преданности правосудию, власти закона, справедливости и равенству не может измеряться тем, как мы обращаемся с богатыми, могущественными, привилегированными и уважаемыми членами общества. Истинная мера нашего характера – то, как мы обращаемся с бедными, неудачливыми, обвиняемыми, заключенными и осужденными.

Все мы становимся соучастниками, когда позволяем скверно обращаться с другими людьми. Отсутствие сострадания может нанести ущерб порядочности общества, государства, нации. Страх и гнев делают нас мстительными и негуманными, несправедливыми и нечестными, пока все мы не начинаем страдать от отсутствия милосердия и приговаривать самих себя так же, как виктимизируем других. Чем ближе мы подходим к массовому лишению свободы и крайним мерам наказания, тем больше я верю, что необходимо признать: всем нам необходимо милосердие, всем нам необходима справедливость и – возможно – всем нам необходима какая-то мера незаслуженного прощения.

1. Играющие в «Пересмешника»

Временным офисным администратором в Южном комитете защиты заключенных (SPDC) в Атланте, куда я вернулся на должность адвоката, получив диплом, трудилась элегантная афроамериканка в дорогом темном деловом костюме – хорошо одетое исключение из общего правила. В первый рабочий день я подошел к ней в своей обычной униформе – джинсах с кроссовками – и предложил задавать любые вопросы, чтобы помочь ей акклиматизироваться. Женщина ответила на это холодным взглядом и отделалась от меня, предварительно напомнив, что это *она* здесь опытный секретарь юриста. На следующее утро, когда я явился на работу в другом «классическом» ансамбле из джинсов и кроссовок, она была так поражена, словно случайный бродяга нечаянно ошибся дверью, заглянув в офис. Ей потребовалась пара секунд, чтобы прийти в себя, а потом она подозвала меня к себе и по секрету сообщила, что через неделю уходит работать в «настоящую юридическую фирму». Я пожелал ей удачи. Часом позже она позвонила мне в кабинет и сказала, что на проводе некий «Роберт Эдвард Ли»⁴. Я улыбнулся, довольный тем, что ошибся на ее счет: у нее явно было чувство юмора.

– Это очень смешно!

– Я не шучу. Он сам так сказал, – возразила она тоном скупающим, а вовсе не игривым. –

Вторая линия.

Я поднял трубку.

– Здравствуйте, это Брайан Стивенсон. Чем я могу вам помочь?

– Брайан, это Роберт Эдвард Ли Кей. Какого черта тебе понадобилось представлять интересы такого человека, как Уолтер Макмиллиан? Ты в курсе, что его считают одним из крупнейших наркоторговцев во всей Южной Алабаме? Я получил твое уведомление, но поверь, не стоит лезть в это дело.

– Прошу прощения?..

– Это судья Кей, и тебе нечего ловить в деле Макмиллиана. Никто не понимает, насколько это на самом деле гнилая ситуация, включая меня самого, – но я-то точно знаю, что она скверная. Возможно даже, что это люди из «дикси-мафии»⁵.

Этот менторский тон и непонятные выражения из уст судьи, с которым я никогда не встречался, привели меня в полнейшую растерянность. «Дикси-мафия»? Я встречался с Уолтером Макмиллианом за две недели до этого разговора, после того как провел целый день в тюрьме для смертников, начиная работу с пятью приговоренными к казни. До изучения судебных протоколов у меня пока не дошли руки, но я все же помнил, что фамилия судьи была Кей. Никто не говорил мне, что зовут его Робертом Эдвардом Ли. Да и знакомый мне Уолтер Макмиллиан в образ «дикси-мафии» никак не вписывался.

– Из «дикси-мафии»?

– Да, и бог знает откуда еще! Слушай, сынок, я просто не назначу какого-то там пришлого адвокатика, не являющегося членом Алабамской коллегии, ни на одно из дел смертников, так что давай-ка, будь добр, снимай свою кандидатуру.

– Я как раз член Алабамской коллегии.

Я жил в Атланте, штат Джорджия, но годом раньше стал членом Алабамской коллегии судебных адвокатов, после того как вел в Алабаме несколько дел, касавшихся условий тюремного заключения.

⁴ Один из самых известных американских военачальников, генерал армии Конфедеративных Штатов Америки. – *Прим. перев.*

⁵ Преступная организация Глубокого Юга, созданная в 1960-х гг. – *Прим. перев.*

– Ну что ж... Я теперь заседаю в Мобиле. В Монровилле больше не бываю. Если у нас будет слушание по вашему представлению, тебе придется ездить из Атланты в Мобил. Я не собираюсь никоим образом тебе помогать.

– Я понимаю, сэр. Я могу приехать в Мобил, если необходимо.

– Ну так вот, я также не собираюсь назначать тебя, потому что не считаю Макмиллиана неимущим. Говорят, у него денежки припрятаны по всему округу Монро.

– Судья, я не стремлюсь получить назначение. Я говорил мистеру Макмиллиану, что мы... – короткие гудки оборвали мое первое утвердительное предложение в этом телефонном разговоре. Я несколько минут думал, что нас разъединили по ошибке, но потом наконец понял, что судья просто повесил трубку, не дослушав меня.

Я научился принимать на веру то, что говорили мне клиенты, пока сказанное не было опровергнуто точными фактами.

Мне еще не было тридцати, и я готовился начинать четвертый год работы в *SPDC*, когда состоялось мое знакомство с Уолтером Макмиллианом. Его дело было одним из сплошного потока дел, в котором я только что не захлебывался после того, как стало известно о нараставшем в Алабаме кризисе. В этом штате почти сто человек дожидались приведения в исполнение смертных приговоров, а еще там было самое быстрорастущее количество осужденных в стране, но при этом полностью отсутствовала система государственной защиты. Это означало, что у этого огромного числа приговоренных к смерти не было никаких юридических представителей. Моя подруга Ива Энсли вела проект по алабамским тюрьмам, отслеживая дела и назначая осужденным адвокатов. В 1988 г. мы обнаружили возможность получить федеральное финансирование для юридического центра, который мог представлять людей, сидящих в тюрьмах для смертников. Это финансирование должно было пойти на создание новой некоммерческой организации. Мы планировали открыть ее в Таскалузе и со следующего года начать брать дела. Я уже работал над многими делами приговоренных к смертной казни в нескольких южных штатах, иногда добиваясь отсрочки приведения приговора в исполнение за считанные минуты до включения электрического стула. Но я не считал, что готов взять на себя такую ответственность, как руководство некоммерческой юридической фирмой. Я планировал помочь этой организации встать на ноги, найти для нее директора, а потом вернуться в Алабаму.

За пару недель до звонка Роберта Ли Кея я встречался с пятью отчаявшимися осужденными: Вилли Таббом, Верноном Мэдисоном, Джесси Моррисоном, Гарри Никсом и Уолтером Макмиллианом. Это был изнурительный, эмоционально тяжелый день. Дела и клиенты на долгом обратном пути в Атланту слиплись в моем сознании в один ком. Но Уолтер мне запомнился. Он был по крайней мере лет на пятнадцать старше меня, без серьезного образования, родом из маленькой деревни. А запомнился он мне тем, как настойчиво утверждал, что осужден несправедливо.

– Мистер Брайан, я понимаю, что для вас это не важно. Но это важно для меня – чтобы люди знали, что я невиновен и не делал того, что мне приписали, ни сном ни духом, – сказал он мне в комнате для свиданий. Его голос оставался ровным, но был полон эмоций. Я кивнул в ответ. Я научился принимать на веру то, что говорили мне клиенты, пока сказанное не было опровергнуто точными фактами.

– Конечно, разумеется, я вас понимаю. Когда я прочту ваше дело, у меня будет более точное представление о том, какие есть доказательства у обвинения, и мы сможем об этом поговорить.

– Но... Слушайте, я уверен, что я не первый приговоренный к смерти, который говорит вам, что он невиновен. Но мне правда очень нужно, чтобы вы мне верили. Моя жизнь разру-

шена! Та ложь, которую они на меня свалили, нестерпима, и если я не получу помощи от кого-то, кто мне поверит...

Его губы задрожали, и он сжал руки в кулаки, борясь со слезами. Я сидел молча, пока Макмиллиан заставлял себя успокоиться.

– Прошу прощения. Я знаю, вы сделаете все возможное, чтобы помочь мне, – сказал он. Теперь его голос звучал тише. Мне интуитивно хотелось утешить этого человека – такой искренней казалась мне его боль. Но я мало что мог сделать. После нескольких часов, проведенных в тюрьме для смертников, после разговоров со столькими людьми моей энергии хватило лишь на то, чтобы уверить своего нового клиента, что я внимательно рассмотрю все подробности его дела.

В моем маленьком кабинете в Атланте были стопкой сложены несколько протоколов, готовых отправиться вместе со мной в Таскалузу, как только откроется новый офис. Продолжая возвращаться мыслями к странным словам Роберта Ли Кея, я перебирал гору записей, пока не нашел расшифровки заседания суда над Уолтером Макмиллианом. Судебное дело насчитывало всего четыре тома. Это означало, что процесс был коротким. Драматические предостережения, с которым обратился ко мне судья, сделали эмоциональные заверения Макмиллиана в своей невинности слишком интригующими, чтобы и дальше оттягивать знакомство с его делом. И я начал читать.

Хотя Уолтер Макмиллиан прожил в округе Монро всю свою жизнь, он никогда не слышал ни о Харпер Ли, ни о книге «Убить пересмешника». Монровилл беззастенчиво чувствовал свою уроженку Ли, после того как ее удостоенная наград книга стала в 1960-х национальным бестселлером. Ли вернулась в округ Монро, но стала затворницей, и ее редко можно было увидеть на людях. Однако отшельничество писательницы ничуть не мешало округу пытаться получить дивиденды с ее литературного наследия – или набивать цену самому себе, пользуясь славой книги. Производство фильма по мотивам романа привело в городок Грегори Пека, который приехал на съемки позорно знаменитых сцен в зале суда; эта работа принесла ему «Оскара». Впоследствии местные власти превратили старое здание суда в музей «Пересмешника». Группа местных жителей специально организовала любительский театр «Пересмешники Монровилля», чтобы поставить сценическую версию этой истории. Спектакль оказался настолько популярным, что за премьерой последовали национальные и международные туры, задачей которых было представить аутентичную постановку этой вымышленной истории самым разным зрителям.

Сентиментальные чувства к истории, рассказанной Ли, нарастали, хотя горькие истины книги никак не укоренялись в сознании. История о невинном чернокожем, которого отважно защищал белый адвокат в 1930-х годах, завораживала миллионы читателей, несмотря на нелюбимое исследование в тексте огульных обвинений в изнасиловании белой женщины. Привлекательные персонажи Ли, Аттикус Финч и его не по годам развитая дочка Скаут завоевывали сердца читателей, заставляя взглянуть в лицо реальности расовых проблем и правосудия на Юге. Целое поколение будущих юристов выросло, питая надежду стать храбрыми Аттикусами, которые в один прекрасный момент горой встанут за беззащитного чернокожего подзащитаемого, заслоняя клиента собой от разгневанной толпы белых мужчин, стремящихся его линчевать.

Сегодня десятки юридических организаций раздают премии имени этого вымышленного юриста, чувствуя тем самым образец поведения адвоката, описанный в романе Ли. Часто ускользает от внимания другой момент: Аттикусу в этой истории *не удалось* защитить ложно обвиненного чернокожего. Том Робинсон, тот самый несправедливо обвиненный чернокожий подсудимый, признан виновным. Впоследствии он погибает, когда, обуянный отчаянием, совершает

безнадежную попытку побега из тюрьмы. Он погибает, застреленный тюремной охраной, получив семнадцать выстрелов в спину – кончина бесславная, но в полном согласии с законом.

Уолтер Макмиллиан, как и Том Робинсон, вырос в одном из бедных черных поселений за пределами Монровилля. Он трудился в полях вместе с родителями, пока не дорос до школы. Дети издольщиков в южной Алабаме узнавали, что такое «пахать, сажать и собирать», едва успев достигнуть того возраста, когда могли приносить хоть какую-то пользу в поле. Образовательные возможности для чернокожих детей в 1950-х были весьма ограниченными, но мать Уолтера сумела устроить его в переполненную «школу для цветных». Правда, учился он там всего пару лет. Когда мальчику исполнилось восемь или девять, он стал слишком ценной рабочей силой для сбора хлопка, чтобы принимать в расчет туманные и далекие преимущества школьного обучения. К одиннадцати годам Уолтер умел пахать плугом землю ничуть не хуже своих старших братьев.

Времена менялись – как к лучшему, так и к худшему. Хозяйство округа Монро в XIX веке поднимали плантаторы, делавшие это ради производства хлопка. Земли этой территории, расположенной на прибрежной равнине юго-западной Алабамы, богатые и черноземные, привлекали белых из обеих Каролин. Эти поселенцы создали здесь очень богатые плантации и завезли огромное число рабов. Десятилетия после окончания Гражданской войны многочисленное афроамериканское население трудилось в полях «черного пояса» на правах издольщиков и арендаторов, чье выживание напрямую зависело от белых землевладельцев. В 1940-х тысячи афроамериканцев покинули этот регион в ходе «великой миграции» и направились в поисках работы в основном на Средний Запад и Восточное побережье. Оставшиеся продолжали возделывать землю, но внешняя миграция афроамериканцев вкупе с другими факторами сделала традиционное сельское хозяйство менее надежным в качестве экономической базы региона.

Уолтеру некуда было бежать от реальностей расизма, но наличие собственного дела в растущем секторе экономики давало свободу, которой были лишены многие афроамериканцы.

К 1950-м гг. мелкое фермерское производство хлопка становилось все менее прибыльным, даже несмотря на дешевизну труда чернокожих издольщиков и арендаторов. Штат Алабама согласился помочь белым землевладельцам региона перейти на выращивание леса и производство лесоматериалов, предоставив невероятные налоговые льготы для целлюлозных и бумажных заводиков. Тринадцать из шестнадцати целлюлозно-бумажных фабрик^[12] штата были открыты в этот период. По всему «черному поясу» все больше земельных владений перепрофилировались на выращивание сосны для этих фабрик и иных промышленных целей. Афроамериканцы, в основном оставшиеся за бортом новой индустрии, столкнулись с экономическими трудностями как раз в то время, когда завоевали основные гражданские права. Жестокая эпоха издоля и «законов Джима Кроу»⁶ заканчивалась, но за ней шло время беспроектной безработицы и обнищания. Округи региона оставались одними из беднейших в Америке.

Уолтер был достаточно умен, чтобы понимать эту тенденцию. Он основал собственный лесозаготовочный бизнес, который развивался вместе с лесопромышленностью в 1970-х. Он дальновидно – и отважно – взял кредит, чтобы купить собственную мотопилу, трактор и грузовик для древесины. К 1980-м годам он уже поднял с нуля крепкий бизнес, который приносил не так уж много лишних денег, но обеспечивал вполне удовлетворительную степень независимости. Если бы Уолтер трудился на фабрике или лесопилке или занимался какой-либо другой неквалифицированной работой – того рода, которая была уделом большинства самого бедного

⁶ Неофициальное название законов о расовой сегрегации в некоторых штатах США в период 1890–1964 гг. – *Прим. перев.*

черного населения Южной Алабамы, – это неизбежно означало бы работу на белых владельцев бизнеса и необходимость терпеть всё то расовое напряжение, которое существовало в регионе в 1970-х и 1980-х. Уолтеру некуда было бежать от реальностей расизма, но наличие собственного дела в растущем секторе экономики давало свободу, которой были лишены многие афроамериканцы.

Эта независимость завоевала ему некоторую долю уважения и восхищения, но при этом вызывала у некоторых презрение и подозрение – особенно у тех, кто не входил в чернокожее сообщество Монровилля. На взгляд некоторых белых обитателей городка, свобода Уолтера выходила далеко за рамки того, чего афроамериканцы с их ограниченным образованием могли добиться законными средствами. И все же он был приятным, почтительным, великодушным и располагавшим к себе человеком, что снискало ему искреннюю приязнь людей, с которыми он вел дела, не важно, белых или чернокожих.

Уолтер не был лишен недостатков. За ним давно закрепилась репутация дамского угодника. Хотя он женился молодым и имел от своей жены Минни троих детей, было хорошо известно, что у него случались романтические отношения с другими женщинами. «Работа с деревом» печально известна тем, что это тяжелый физический труд, сопряженный с опасностью. Уолтеру, не избалованному радостями обычной жизни, трудно было устоять перед женским заигрыванием. В его грубоватой внешности – в пышных длинных волосах и клочковатой бороде – было нечто такое, что в сочетании со щедрой и очаровательной натурой привлекало внимание некоторых женщин.

Уолтер вырос с пониманием того, насколько запретны интимные отношения чернокожего мужчины с белой женщиной, но к 1980-м позволил себе вообразить, что это положение может измениться. Вероятно, не достигни Макмиллиан достаточного успеха, чтобы кормиться за счет собственного бизнеса, он бы лучше помнил о том, что эти расовые границы ни в коем случае нельзя переступать. Но все вышло, как вышло: Уолтер поначалу не придавал особого значения заигрываниям Карен Келли – молодой белой женщины, с которой познакомился в кафе «Уоффл Хаус», где обычно завтракал. Карен была привлекательна, но он не воспринимал ее всерьез. Когда заигрывания стали более откровенными, Уолтер сдался не сразу, но потом убедил себя, что об этом никто никогда не узнает.

Через пару недель стало ясно, что эти отношения грозят проблемами. В свои двадцать пять Карен была на восемнадцать лет моложе Уолтера, а еще она была замужем. Когда пошли слухи о том, что они «друзья», она, похоже, даже испытывала бунтарскую гордость за свою интимную близость с Уолтером. Когда ее муж Джо обо всем узнал, дело быстро приняло некрасивый оборот. Супруги Келли давно были несчастливы вместе и уже планировали развестись. Но ее скандальная связь с чернокожим привела в ярость и мужа, и все его семейство. Он подал иск о передаче под его опеку детей и принялся публично бесчестить жену, обвиняя ее в неверности и рассказывая всем о ее отношениях с негром.

Со своей стороны, Уолтер всегда старался держаться подальше от судов и юстиции. Много лет назад он оказался втянут в драку в баре, которая привела к аресту, обвинению в неподобающем поведении и ночи, проведенной в тюрьме. Это был первый и единственный раз, когда Макмиллиан вляпался в неприятности. С того момента и далее он ни разу не попадал в зону внимания уголовной юстиции.

Когда Уолтер получил от мужа Карен Келли повестку с требованием выступить свидетелем на слушании, где чете Келли предстояло бороться за опеку над детьми, он понял, что это создаст для него серьезные проблемы. Не имея возможности посоветоваться с женой, Минни, которая лучше него разбиралась в такого рода кризисах, он, изрядно нервничая, отправился в суд. Адвокат мужа Келли вызвал Уолтера для дачи показаний. Уолтер решил признать, что был «другом» Карен. Ее адвокат возражал против грубых вопросов, задаваемых Уолтеру адвокатом мужа насчет конкретной природы этой дружбы, избавив его от рассказа о подробностях. Но

когда Макмиллиан вышел из зала суда, гнев и враждебность, направленные на него, были буквально осязаемыми. Уолтер и рад был бы забыть обо всей этой драме, но дурная слава быстро бежит, и его репутация утратила безупречность. Он больше не был трудолюбивым лесозаготовщиком, известным белому населению своего округа почти исключительно тем, что умел работать пилой в сосновом лесу. Уолтер отныне стал символом чего-то более тревожного и пугающего.

Криминализовав межрасовый секс и брак, штаты всего Юга использовали эти законы для оправдания насильственной стерилизации бедноты и женщин, принадлежавших к меньшинствам.

Страх перед межрасовым сексом и браком пустил в Соединенных Штатах глубокие корни. Сочетание вопросов расы и пола было мощной силой из тех, что привели к отмене «реконструкции»⁷ и сохранению на целый век «законов Джима Кроу». Они служили топливом для политики расового размежевания на протяжении всего XX века. После отмены рабства создание системы расовой иерархии и сегрегации было в основном рассчитано на предотвращение близких отношений вроде тех, что возникли между Уолтером и Карен, – отношений, которые были по сути законодательно запрещены «статутами против расового смешения» (термин «расовое смешение» вошел в обиход в 1860-х, когда сторонники рабства придумали его, чтобы нагнетать страх перед межрасовым сексом и браком и метисацией, которая, мол, непременно произошла бы, если бы рабство было отменено). Более столетия сотрудники правоохранительных органов во многих южных городах и деревнях считали своим долгом проводить расследования и карать чернокожих мужчин, вступавших в интимные связи с белыми женщинами.

Хотя федеральное правительство в недолгий период «реконструкции» обещало расовое равенство бывшим рабам, возвращение белого превосходства и расовой субординации свершилось вскоре после ухода федеральных войск из Алабамы в 1870-х. Право голоса было у афроамериканцев отнято, и ряд ограничивающих законов закрепил расовую иерархию. Законы «о расовой цельности» были частью плана точного воспроизведения расовой иерархии, существовавшей в период рабства, и восстанавливали подчиненное положение афроамериканцев. Криминализовав межрасовый секс и брак, штаты всего Юга использовали эти законы для оправдания насильственной стерилизации бедноты и женщин, принадлежавших к меньшинствам. Запрет на секс между белыми женщинами и чернокожими мужчинами стал предметом крайней озабоченности на всем Юге.

В 1880-х – за несколько лет до того, как линчевание стало стандартной реакцией на межрасовую любовь, и за столетие до начала романа между Уолтером и Карен Келли – афроамериканец Тони Пейс и белая женщина Мэри Кокс полюбили друг друга. Они были арестованы, преданы суду и приговорены к двум годам тюрьмы (каждый) за нарушение алабамских законов «о расовой цельности». Джон Томпкинс, адвокат и член небольшого меньшинства белых профессионалов, считавших эти законы неконституционными, согласился представлять Тони и Мэри на апелляции по их приговорам. Верховный суд Алабамы пересмотрел дело в 1882 г. Применяв риторику, которая часто цитировалась в течение следующих нескольких десятилетий, высшая инстанция суда Алабамы утвердила приговоры, использовав при этом формулировки, которые так и сочлились презрением к самой мысли о межрасовой любви:

«Зловещая тенденция к преступлению^[13] [адюльтеру или блуду] усугубляется, когда это преступление совершают люди двух разных рас... Ее результатом может явиться слияние двух рас, порождающее нечистокровное население и деградирующую цивилизацию, предотвраще-

⁷ Исторический период после Гражданской войны между Севером и Югом и преобразование Юга в период примерно с 1865–1866 по 1877 г. с изменением структуры власти и общества в бывшей Конфедерации после Гражданской войны. – *Прим. перев.*

ние чего продиктовано разумной политикой, действующей в высших интересах общества и правительства».

Верховный суд США пересмотрел решение суда Алабамы. Используя формулировку «разделенные, но равные», предвосхитившую бесславное решение по делу «Плесси против Фергюсона», принятое двадцать лет спустя, Верховный суд единогласно поддержал ограничения Алабамы на межрасовый секс и брак и утвердил приговоры Тони Пейса и Мэри Кокс к тюремному заключению. Вслед за решением Верховного суда и другие штаты провели законы «о расовой цельности», которые сделали незаконными для афроамериканцев, а иногда и коренных американцев и американцев азиатского происхождения брак и секс с белыми. В то время как эти ограничения агрессивно поддерживались на Юге, они также не были редкостью на Среднем Западе и Западе. Штат Айдахо запретил межрасовые браки^[14] и секс между белыми и чернокожими в 1921 г., несмотря на то, что население штата было на 99,8 процентов не черным.

На Юге за такие преступления, как убийство или нападение, можно было сесть в тюрьму; но межрасовый секс был особенным преступлением с крайне суровыми наказаниями.

Только в 1967 году^[15] Верховный суд Соединенных Штатов наконец отменил законы против смешанных браков в деле «Лавинг против Вирджинии», но ограничения для межрасовых браков продолжали существовать даже после этого исторического постановления. Конституция штата Алабама по-прежнему запрещала «расовое смешение» и в 1987 году, когда Уолтер познакомился с Карен Келли. 102-й раздел Конституции штата гласит:

«Законодательные органы никогда не должны принимать никакого закона^[16], разрешающего или узаконивающего любой брак между любым белым человеком и негром либо потомком негра»⁸.

Никто не рассчитывал, что сравнительно успешный и независимый человек вроде Уолтера будет соблюдать *все* правила. Перебрать иногда спиртного, ввязаться в драку или даже завести роман на стороне – все это не было достаточно вопиющими провинностями, чтобы уничтожить репутацию и имя честного и трудолюбивого чернокожего, добросовестности которого в работе можно было доверять. Но межрасовая связь, особенно с замужней белой женщиной, для многих белых была поступком немислимым. На Юге за такие преступления, как убийство или нападение, можно было сесть в тюрьму; но межрасовый секс был особенным преступлением в своей собственной уникальной категории опасности – соответственно с крайне суровыми наказаниями. Сотни чернокожих мужчин были подвергнуты суду Линча даже просто из-за ни на чем не основанных подозрений в такой близости.

Уолтер не был знатоком истории права, но, как и любой чернокожий в Алабаме, знал об опасностях межрасовой любви буквально каждой клеткой тела. За это прегрешение только в одном округе Монро линчевали почти дюжину человек^[17]. В соседних округах линчевали десятками – и истинная сила этих стихийных казней намного превышала их математическое число. Они были прежде всего актами террора. Любое столкновение с белым, любое межрасовое социальное «прегрешение», любое ненамеренное оскорбление, любой неверный взгляд или слово могли спровоцировать страшную и летальную ответную реакцию.

В детстве Уолтер слышал рассказы родителей и родственников о линчеваниях. Когда ему было двенадцать лет, тело Расселла Чарли, чернокожего из округа Монро, было найдено

⁸ Хотя согласно федеральному закону это было не правомочно, запрет на межрасовые браки в штате Алабама дожил до XXI века. В 2000 году реформаторы, наконец, собрали достаточное число голосов, чтобы выдвинуть этот вопрос на референдум штата, в ходе которого большинство проголосовало за отмену запрета, хотя 41 процент высказался за его сохранение. Опрос 2011 года, проведенный среди республиканцев Миссисипи, обнаружил, что 46 процентов поддерживают законодательный запрет на межрасовые браки, 40 выступают против него, а 14 процентов не уверены в своем мнении.

повешенным на дереве во Вреденбурге, штат Алабама. Суд Линча над Чарли, с которым были знакомы родители Уолтера, по слухам, был спровоцирован межрасовой любовью. Уолтер прекрасно помнил ужас, охвативший чернокожих округа Монро, когда было найдено безжизненное, изрешеченное пулями тело Чарли.

И теперь Уолтеру казалось, все в округе Монро только и говорят, что о его собственных «преступных» отношениях с Карен Келли. Мало что так тревожило этого человека за всю его жизнь.

Пару недель спустя еще более немыслимое событие потрясло Монровилль. Поздним утром 1 ноября 1986 года Ронда Моррисон, красивая молодая девушка, дочь уважаемого местного семейства, была найдена мертвой на полу «Монро Клинерс», химчистки, в которой работала эта восемнадцатилетняя студентка колледжа. Ее убили тремя выстрелами в спину.

Убийство для Монровилля было делом необычным. А уж очевидное сочетание ограбления и убийства в центре города – и вовсе беспрецедентным. Гибель юной Ронды стала преступлением, равного которому никогда не знал этот городок. Она, единственная дочь в семье, пользовалась всеобщей любовью, и, по единодушному мнению, на ее репутации не было ни пятнышка. Для всего белого сообщества городка девушка была как родная. Поначалу полиция была уверена, что никто из местных жителей, ни чернокожий, ни белый, не стал бы совершать такое ужасное злодеяние.

В тот день, когда было найдено тело Ронды Моррисон, в Монровилле были замечены два latinoамериканца, ходившие по городку в поисках работы. Они и стали первыми подозреваемыми. Полиция проследила за ними во Флориде и решила, что эти двое мужчин никак не могли совершить убийство. Под подозрение попал и Майлз Джексон, бывший владелец химчистки, пожилой белый мужчина; но не было найдено никаких улик, указывавших на него как на убийцу. Тогдашний действительный владелец химчистки, Рик Блэр, был допрошен и тоже вычеркнут из списка подозреваемых. Уже через пару недель у полиции кончились рабочие версии.

Жители округа Монро начали шептаться о некомпетентности полиции. Несколько месяцев спустя арест все еще не состоялся, шепоток стал громче, и критика в адрес полиции, шерифа и окружного прокурора была озвучена в местной прессе и на радиостанциях. Том Тейт был избран новым шерифом округа через считанные дни после того, как было совершено это убийство, и народ начинал сомневаться в том, что он годится для этой работы. Алабамское бюро расследований (АБР)⁹ было привлечено к следствию, но добилось в раскрытии преступления не больших успехов, чем местные власти. Людей в Монровилле охватила тревога. Местные бизнесмены предлагали тысячи долларов вознаграждения за информацию, которая приведет к аресту. Продажи оружия, которые здесь всегда были солидными, еще выросли.

Тем временем Уолтер Макмиллиан сражался с собственными проблемами. Он несколько недель пытался положить конец отношениям с Карен Келли. Процесс судебного разбирательства по вопросу опеки над детьми и публичный скандал неблагоприятно сказались на женщине: она начала употреблять наркотики и стремительно покатила по наклонной. Келли начала общаться с Ральфом Майерсом, белым мужчиной с сильно изуродованным лицом и длинным уголовным «послужным списком», который казался идеальным воплощением ее падения. Ральфа трудно было представить рядом с Карен. Она настолько опустила, что все ее поступки казались верхом абсурда друзьям и родственникам. Эти новые отношения толкнули женщину на самое дно, скандал и употребление наркотиков дополнились серьезными уголовными пре-

⁹ Alabama Bureau of Investigation – Алабамское Бюро Расследований (АБР). В России следственные функции осуществляются органами МВД и следственными комитетами.

ступлениями. Келли вместе с сожителем вовлеклась в торговлю наркотиками, и они оказались замешаны в убийстве Вики Линн Питтман, молодой женщины из соседнего округа Эскамбия.

Полиция добилась быстрого успеха в расследовании убийства Питтман, вскоре придя к выводу, что Ральф Майерс в нем замешан. Когда полицейские допрашивали Ральфа, они столкнулись с человеком столь же непростым психологически, сколь и физически изуродованным. Он был взрывным и нестабильным, жаждущим внимания: его единственным эффективным методом защиты были навыки манипуляции и умение направить на ложный след. Ральф был убежден, что всё, что он говорит, должно быть эпичным, шокирующим и сложным. В детстве, живя в семье опекунов, мальчик страшно обгорел во время пожара. Ожоги настолько изуродовали его лицо и шею, что потребовалось множество операций, чтобы восстановить базовые функции. Майерс привык к тому, что незнакомые люди, впервые видевшие его шрамы, реагировали на них болезненными гримасами. Он был трагическим отверженным, жившим на периферии общества, но пытался поквитаться за это, делая вид, что ему известны многочисленные тайны.

Поначалу отрицавший какое-либо прямое участие в убийстве Питтман, впоследствии Майерс признал, что, возможно, сыграл в нем некую случайную роль. Но он быстро переложил вину за это убийство на более интересные местные фигуры. Вначале он обвинил чернокожего со скверной репутацией по имени Айзек Дейли, но полиция тут же выяснила, что вечер, когда было совершено убийство, Дейли провел в камере местной тюрьмы. После этого Майерс признался, что выдумал эту историю, потому что истинным убийцей был не кто иной, как избранный шериф одного из ближних округов.

Каким бы чудовищным ни было это утверждение, агенты *ABI*, похоже, восприняли его всерьез. Они стали задавать Майерсу вопросы, но чем больше он называл подробностей, тем менее правдоподобной выглядела эта история. Власти начали подозревать, что Майерс сам был единственным убийцей и отчаянно пытался обвинить других, чтобы свести к минимуму собственную вину.

Хотя убийство Вики Питтман было громкой новостью, оно не могло сравниться по влиятельности с завесой тайны, которая продолжала окутывать гибель Ронды Моррисон. Вики была из бедной белой семьи, несколько членов которой сидели в тюрьмах; ей было очень далеко до того общественного положения, которое занимала Ронда Моррисон. Убийство Моррисон оставалось в центре всеобщего внимания долгие месяцы.

Ральф Майерс был неграмотным, но знал, что именно смерть Моррисон более всего занимает следователей. Когда его голословные обвинения против шерифа ни к чему не привели, он снова изменил показания и поведал следователям, что участвовал в убийстве Вики Питтман вместе с Карен Келли и ее чернокожим любовником, Уолтером Макмиллианом. Но это было еще не все. Майерс также рассказал полиции, что Макмиллиан виновен в убийстве Ронды Моррисон. И вот это утверждение полностью завладело вниманием правоохранителей.

Вскоре стало очевидно, что Уолтер Макмиллиан никогда не был даже знаком с Ральфом Майерсом, не то что не совершил вместе с ним два убийства. Чтобы доказать, что они были соучастниками, следователь *ABI* потребовал, чтобы Майерс встретился с Уолтером Макмиллианом в магазине, в то время как агенты будут вести за ними наблюдение. Это было сделано через несколько месяцев после убийства Ронды Моррисон.

Когда Майерс вошел в магазин, он не смог узнать Уолтера Макмиллиана среди нескольких присутствовавших чернокожих мужчин (ему пришлось попросить владельца магазина показать ему Уолтера). Затем он вручил Макмиллиану записку, якобы написанную Карен Келли. По словам свидетелей, у Уолтера вызвала крайнюю растерянность как встреча с Майерсом, которого он никогда в глаза не видел, так и сама записка. Уолтер небрежно выбросил ее и вновь занялся своими делами. Он не придавал никакого значения этой странной встрече.

Наблюдатели-агенты *АВІ* не получили доказательств существования каких-либо отношений между Майерсом и Макмиллианом, зато все указывало на то, что эти два человека между собой не знакомы. И все же они упорно разрабатывали версию об участии Макмиллиана. Время шло – миновало уже семь месяцев после убийства – и обществом владели страх и гнев. Критика в адрес властей нарастала. Арест был необходим правоохранителям, как воздух.

Шериф округа Монро Том Тейт не обладал особым опытом в охране правопорядка. По его собственным словам, он был «местным из местных» и очень гордился тем, что ни разу не уезжал далеко от Монровилля. И вот через четыре месяца после вступления в должность шерифа он столкнулся с «висяком» и сильным общественным давлением. Когда Майерс рассказал полиции об отношениях Макмиллиана с Карен Келли, вероятно, этот скандальный межрасовый адюльтер был уже хорошо известен Тейту по слушаниям в суде об опеке над детьми Келли, породившим дикое количество сплетен. Но против Макмиллиана не было улик – никаких, за исключением того, что он был афроамериканцем, вовлеченным в межрасовое прелюбодеяние. Это по умолчанию означало, что он безрассуден и, возможно, опасен, несмотря на отсутствие уголовного прошлого и хорошую репутацию. Возможно, это было сочтено достаточной уликой.

2. «Стой!»

После первых полутора лет моей адвокатской карьеры, в течение которых я ночевал на диване в гостиной у Стива Брайта, пора было искать собственную квартиру. Когда я начинал работать в Атланте, наши сотрудники с трудом справлялись с кризисами, которые шли один за другим. Я немедля оказался в гуще судебных процессов, которые необходимо было провести в очень ограниченные сроки, и мне было попросту некогда искать жилье. К тому же 14 000 долларов годовой зарплаты оставляли не так уж много денег на аренду, поэтому Стив любезно приютил меня у себя. То, что я жил в маленькой двухкомнатной квартире Стива в Грант-Парке, давало мне возможность безостановочно забрасывать его вопросами о сложных проблемах и трудностях, которые ставили перед нами дела и клиенты. Каждый день мы разбирали большие и малые вопросы с утра до поздней ночи. И мне это нравилось. Но когда мой однокашник по юридической школе, Чарльз Блисс, перебрался в Атланту, чтобы работать в Обществе юридической помощи (*Atlanta Legal Aid Society*), мы сообразили, что, если объединим свои скудные доходы, сможем позволить себе аренду недорогой квартиры. Мы с Чарли вместе начинали в Гарвардской юридической школе и на первом курсе жили в одной комнате студенческого общежития. Он был белым из Северной Каролины, который, как мне казалось, разделял мое недоумение по поводу того, чему нас учили в школе. Мы с ним часто сбегали в спортзал, чтобы поиграть в баскетбол и попытаться осмыслить то, что с нами происходит.

Подходящая квартира нашлась неподалеку от Инман-Парка в Атланте. Через год рост арендной платы заставил нас перебраться в район Вирджиния-Хайлендс, где мы прожили еще год, прежде чем новый рост цен вынудил нас съехать в Мидтаун-Атланта. Квартира с двумя спальнями, которую мы делили в Мидтауне, была самым славным местом в самом славном районе за всю историю наших скитаний. Из-за нараставшего вороха дел в Алабаме я проводил там не так уж много времени.

Отдельных заключенных пытали электрошокерами для скота в наказание за нарушение тюремных правил.

Мой план создания нового юридического проекта по представлению интересов людей в тюрьмах для смертников начинал обретать форму. Я надеялся раскатать его в Алабаме и со временем вернуться жить в Атланту. Портфель новых дел алабамских смертников рос, и в результате я безумно много работал, мотался туда-сюда из Атланты в Алабаму и обратно и одновременно пытался разбираться с несколькими делами по условиям содержания в тюрьмах, которые инициировал в разных штатах Юга.

Условия тюремного заключения ухудшались повсеместно. В 1970-х бунты в Аттике (штат Нью-Йорк) привлекли внимание всей страны к чудовищным злоупотреблениям в этой тюрьме. Захват Аттики заключенными позволил американцам узнать о жестокостях, творящихся в тюрьмах – например, о штрафных изоляторах, где заключенные томятся в маленьком замкнутом пространстве неделями или месяцами. Порой заключенных бросали в «парную» – тесную яму или просто деревянный ящик, который ставили в места, где человек был вынужден терпеть крайне высокую температуру на протяжении нескольких дней, а то и недель подряд. Отдельных заключенных пытали электрошокерами для скота в наказание за нарушение тюремных правил. В некоторых тюрьмах их приковывали к коновязи, закрепляя руки над головой в положении, причинявшем боль, и так люди были вынуждены стоять часами. Эта практика, которую объявили неконституционной только в 2002 году, была одним из множества унижительных и опасных наказаний, применяемых к заключенным. Отвратительное питание и невыносимые условия жизни были явлением широко распространенным.

Гибель сорока двух человек под конец бунта в Аттике разоблачила опасность тюремных злоупотреблений и негуманных условий заключения. Возросшее внимание общества также привело к нескольким постановлениям Верховного суда, которые обеспечивали заключенным основы процессуальной защиты. Опасаясь потенциальных вспышек насилия, несколько штатов начали реформы, чтобы искоренить самые вопиющие негуманные методы. Но десять лет спустя быстрый рост населения тюрем неизбежно привел к резкому ухудшению условий содержания.

Мы получали множество писем от заключенных, продолжавших жаловаться на чудовищные условия. Заключенные сообщали, что работники исправительных учреждений избивают их, содержат в загонах для скота и подвергают другим унижительным наказаниям. В наш офис попадало тревожно большое число дел заключенных, найденных мертвыми в своих камерах.

Самоубийства, насилие в среде заключенных, недостаточное медицинское обслуживание, злоупотребления персоналом и жестокость охраны ежегодно стоили жизни сотням обитателей тюрем.

Я работал над несколькими такими случаями, включая один в Гадсдене, штат Алабама, где власти тюрьмы утверждали, что 39-летний чернокожий умер от естественных причин, после того как был арестован за нарушение правил движения. Семья мужчины настаивала, что он был избит полицейскими и сотрудниками тюрьмы, которые потом не разрешили ему воспользоваться ингалятором от астмы и лекарствами, несмотря на все его просьбы. Я провел немало времени с убитыми горем родственниками Луриды Раффина и узнал, каким любящим отцом и добрым человеком он был и как люди порой делали о нем неверные выводы. Высоченный и крупный – ростом под два метра, весом 114 кг – он мог производить несколько устрашающее впечатление; но его жена и мать в один голос утверждали, что Лурида отличался приятным и мягким характером.

Полиция Гадсдена остановила Раффина однажды вечером на шоссе, потому что, по словам полицейских, машину вело из стороны в сторону. Выяснилось, что срок действия его водительской лицензии истек пару недель назад, поэтому его взяли под стражу. Когда Раффина, всего в синяках и окровавленного, привезли в городскую тюрьму, он сказал другим заключенным, что его ужасно избили и ему срочно нужен ингалятор и лекарства от астмы. Когда я начал изучать это дело, заключенные тюрьмы рассказали мне, что видели, как полицейские избивали Раффина, прежде чем бросить его в одиночную камеру. Несколько часов спустя медицинский персонал на их глазах вынес безжизненное тело из камеры на носилках.

Несмотря на реформы 1970-х и начала 1980-х, гибель заключенных в тюрьмах по-прежнему оставалась серьезной проблемой. Самоубийства, насилие в среде заключенных^[18], недостаточное медицинское обслуживание, злоупотребления персоналом и жестокость охраны ежегодно стоили жизни сотням обитателей тюрем.

Вскоре я стал получать жалобы и от других жителей Гадсдена. Родители чернокожего подростка, который был застрелен полицией, рассказали мне, что их сына остановили за мелкое нарушение правил дорожного движения, после того как он проехал на красный свет. Мальчик недавно сел за руль и страшно занервничал, когда к нему приблизился полицейский. Родители утверждали, будто он потянулся рукой вниз, к стоявшей на полу спортивной сумке, чтобы достать из нее новенькую лицензию. Полиция же утверждала, что парень полез за оружием (никакого оружия обнаружено не было) – и был застрелен прямо на водительском сиденье. Полицейский, который застрелил его, утверждал, что подросток был опасным и двигался быстро, в угрожающей манере. Родители мальчика рассказали мне, что их сын был нервным и пугливым, но при этом послушным и совершенно безобидным. Он истово веровал, хорошо учился и обладал такой репутацией, которая позволила его родителям убедить лидеров движения за гражданские права потребовать расследования обстоятельств его смерти. Их хода-

тайства добрались до нашего офиса, и я занимался этим делом вместе с делами об условиях содержания в тюрьмах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

«Один из каждых пятнадцати человек, рожденных...» Thomas P. Bonczar, “Prevalence of Imprisonment in the U. S. Population, 1974–2001,” Bureau of Justice Statistics (August 2003), URL: www.bjs.gov/index.cfm?ty=pbdetail&iid=836, дата обращения 29 апреля 2014.

2.

«Один из каждых трех чернокожих младенцев мужского пола...» Bonczar, “Prevalence of Imprisonment”; “Report of The Sentencing Project to the United Nations Human Rights Committee Regarding Racial Disparities in the United States Criminal Justice System,” The Sentencing Project (August 2013), URL: http://sentencingproject.org/doc/publications/rd_ICCPR%20Race%20and%20Justice%20Shadow%20Report.pdf, дата обращения 29 апреля 2014.

3.

«В некоторых штатах нет минимального возраста...» В 23 штатах нет минимального возраста, с которого детей можно привлекать к суду как взрослых, по крайней мере в некоторых обстоятельствах. Howard N. Snyder and Melissa Sickmund, “Juvenile Offenders and Victims: 2006 National Report,” National Center for Juvenile Justice (March 2006), URL: www.ojjdp.gov/ojstatbb/nr2006/downloads/NR2006.pdf, дата обращения 29 апреля 2014.

4.

«Более полумиллиона людей...» “Fact Sheet: Trends in U. S. Corrections,” The Sentencing Project (May 2012), URL: www.sentencingproject.org/doc/publications/inc_Trends_in_Corrections_Fact_sheet.pdf, дата обращения 29 апреля 2014; Marc Mauer and Ryan S. King, “A 25-Year Quagmire: The War on Drugs and Its Impact on American Society,” The Sentencing Project (September 2007), 2, URL: www.sentencingproject.org/doc/publications/dp_25yearquagmire.pdf, дата обращения 29 апреля 2014.

5.

«Мы запрещаем малоимущим женщинам...» Федеральный закон запрещает штатам обеспечивать льготами Американской программы льготной покупки продуктов (SNAP), прежде называвшимися продуктовыми талонами, людей, осужденных за преступления, связанные с наркотиками, хотя штаты могут не применять или модифицировать этот запрет. В настоящее время 32 штата следуют тому или иному запрету, основанному на прежних осуждениях, связанных с наркотиками, включая десять штатов, в которых действует постоянный запрет. Штаты также могут выселять из жилья или отказывать отдельным людям в получении федеральных льгот, связанных с помощью в получении жилья, либо через программу Section 8, либо через размещение в муниципальном жилье, основываясь на осуждении за преступления, связанные с наркотиками. Maggie McCarty, Randy Alison Aussenberg, Gene Falk, and David H. Carpenter, “Drug Testing and Crime-Related Restrictions in TANF, SNAP, and Housing Assistance,” Congressional Research Service (September 17, 2013), URL: www.fas.org/sgp/crs/misc/R42394.pdf, дата обращения 29 апреля 2014.

6.

«Некоторые штаты пожизненно лишают людей...» Двенадцать штатов навсегда лишают избирательного права всех или некоторых осужденных за тяжкие преступления. 35 штатов лишают избирательного права условно приговоренных, а 31 штат лишает права голосовать лиц на probation. The Sentencing Project, “Felony Disenfranchisement Laws in

the United States” (June 2013), URL: www.sentencingproject.org/doc/publications/fd_Felony%20Disenfranchisement%20Laws%20in%20the%20US.pdf, дата обращения 30 апреля 2014.

7.

«В результате в нескольких южных штатах...» В Алабаме, Миссисипи и Теннесси более 10 процентов афроамериканцев не могут голосовать. Во Флориде, Кентукки и Вирджинии более чем каждый пятый афроамериканец лишен избирательного права. Christopher Uggen, Sarah Shannon, and Jeff Manza, “State-Level Estimates of Felon Disenfranchisement in the United States, 2010,” The Sentencing Project (July 2012), URL: http://sentencingproject.org/doc/publications/fd_State_Level_Estimates_of_Felon_Disen_2010.pdf, дата обращения 30 апреля 2014.

8.

«Множество невинных людей были оправданы...» Информационный центр смертной казни (The Death Penalty Information Center) сообщает, что с 1973 г. были оправданы 144 заключенных-смертников. “The Innocence List,” Death Penalty Information Center, URL: www.deathpenaltyinfo.org/innocence-list-those-freed-death-row, дата обращения 25 апреля 2014.

9.

«Сотни других были выпущены на свободу...» По данным Innocence Project, в США были проведены 316 послесудебных оправданий по ДНК. 18 из оправданных заключенных отбывали наказание в тюрьмах для смертников. “DNA Exonerations Nationwide,” The Innocence Project, URL: www.innocenceproject.org/Content/DNA_Exonerations_Nationwide.php, дата обращения 25 апреля 2014.

10.

«Презумпция вины, бедность, расовые предрассудки...» John Lewis and Bryan Stevenson, “State of Equality and Justice in America: The Presumption of Guilt,” Washington Post (May 17, 2013).

11.

«Траты правительств штатов и федерального правительства на изоляторы и тюрьмы...» В 2010 г., последнем из тех лет, для которых в настоящее время доступна статистика, общие затраты на содержание тюрем в Америке составили около 80 миллиардов долларов. Attorney General Eric Holder, American Bar Association Speech (August 12, 2013); Tracey Kyckelhahn and Tara Martin, Bureau of Justice Statistics, “Justice Expenditure and Employment Extracts, 2010–Preliminary” (July 2013), URL: www.bjs.gov/index.cfm?ty=pbdetail&iid=4679, дата обращения 30 апреля 2014. Сравните эту цифру с 6,9 миллиарда в 1980 г. Bureau of Justice Statistics, “Justice Expenditure and Employment Extracts-1980 and 1981 Data from the Annual General Finance and Employment Surveys” (March 1985), URL: www.bjs.gov/index.cfm?ty=pbdetail&iid=3527, дата обращения 30 апреля 2014.

12.

«Тринадцать из шестнадцати целлюлозно-бумажных фабрик...» Conner Bailey, Peter Sinclair, John Bliss, and Karni Perez, “Segmented Labor Markets in Alabama’s Pulp and Paper Industry,” Rural Sociology 61, no. 3 (1996): 475–96.

13.

«Зловещая тенденция к преступлению...» Дело «Пейс и Кокс против Штата», 69 Ala. 231, 233 (1882).

14.

«Штат Айдахо запретил межрасовые браки...» U. S. Census Office, Fourteenth Census of Population (Washington, D.C.: Government Printing Office, 1920).

15.

«Только в 1967 году...» Когда законодательное собрание Вирджинии приняло Закон о расовой цельности в 1924 г., узаконив насильственную стерилизацию чернокожих женщин, сочтенных дефективными или опасными, и криминализовав браки между чернокожими и белыми, жители округа Каролина восприняли эти нововведения весьма серьезно. Десятилетия спустя молодой белый мужчина Ричард Лавинг влюбился в чернокожую женщину по имени Милдред Джетер. Молодая пара решила пожениться, когда стало известно о беременности Милдред. Зная, что в Вирджинии это будет невозможно, они поехали в Вашингтон, чтобы узаконить отношения. Молодые супруги попытались начать там новую жизнь, но их одолела ностальгия, и они вернулись в округ Каролина после свадьбы, чтобы быть рядом со своими семьями. Об их браке стало известно, и несколько недель спустя шериф с вооруженными помощниками ворвались в их дом посреди ночи, чтобы арестовать Ричарда и Милдред за расово смешанный брак. Брошенные в тюрьму и униженные, они были вынуждены признать себя виновными. Им было сказано, что они должны быть благодарны суду за то, что их приговоры будут условными – при условии, что они согласятся уехать из округа и не возвращаться на родину «как минимум двадцать пять лет». Супруги снова бежали из штата, но на сей раз решили бороться против расистского закона в суде, подав иск с помощью Американского союза защиты гражданских свобод (American Civil Liberties Union). В 1967 г., после нескольких лет отказов в судах низших инстанций, Верховный суд США отменил законы о межрасовых браках, объявив их неконституционными.

16.

«Законодательные органы никогда не должны принимать никакого закона...» Несмотря на то, что запрет на межрасовые браки не мог быть наложен по федеральному закону, внутриштатный запрет на межрасовые браки в Алабаме просуществовал до XXI века. В 2000 г. реформаторы наконец получили достаточное число голосов, чтобы вынести этот вопрос на референдум штата, в ходе которого большинство проголосовало за отмену запрета, хотя 41 процент голосующих высказались за его сохранение. Проведенный в 2011 г. опрос республиканцев в Миссисипи показал, что 46 процентов поддерживали законодательный запрет на межрасовые браки, 40 процентов протестовали против такого запрета, а 14 процентов воздержались.

17.

«Линчевали почти дюжину человек...» Имена людей, подвергнутых линчеванию:

18.

«Самоубийства, насилие в среде заключенных...» Бюро судебной статистики (Bureau of Justice Statistics) сообщает, что на протяжении 1980-х гг. несколько сотен заключенных каждый год умирали в результате самоубийств, убийств и от других «неизвестных» причин. Christopher J. Mumola, “Suicide and Homicide in State Prisons and Local Jails,” Bureau of Justice Statistics (August 2005), URL: www.bjs.gov/index.cfm?ty=pbdetail&iid=1126, дата обращения 30 апреля 2014; Lawrence A. Greenfield, “Prisons and Prisoners in the United States,” Bureau of Justice Statistics (April 1992), URL: www.bjs.gov/index.cfm?ty=pbdetail&iid=1392.